

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРИ УСІХ КРАЇН, ЗАЛУЧАЙЦЕСЯ!
BYTUN ÖLKƏLƏRİN PROLETARLAR, BİRLƏŞİNİZ! BUTUN DUNYA PROLETARLARI, BİRLƏŞİNİZ! PROLETARHOJI HAMAJI MAMLAKATHO, JAK ŞAVED!
BYKIL ÇER ÇYZİNİN PROLETARLAR, BİRİGİNDER! BYTKYL DYJNƏ PROLETARLAR, BIRIKKILE!

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
И
Всероссийского Центральн. Исполнительного Комитета
СОВЕТОВ
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

ГОД ИЗДАНИЯ 22-й

№ 6 (6473)
СУББОТА

8
ЯНВАРЯ
1938 г.

Цена 10 коп.

Станиславский

Через несколько дней мы отмечаем 75-летие Константина Сергеевича Станиславского. Славная дата! Славная жизнь, отданная служению искусству!

Об этом человеке трудно писать воспоминания. Воспоминание — это рассказ о прошлом. А Станиславский — весь в настоящем. И не только в настоящем, но и в будущем. Влияние Станиславского на театр не ограничивается нашей страной, — оно распространяется на многие страны мира.

Сейчас мне хочется рассказать о Константине Сергеевиче, как о друге и учителе, которого я люблю и уважаю, в присутствии которого я чувствую себя молодым.

На пережитые события еще не лег пепел времени. Они яркие, как будто произошли совсем недавно. Они значительны не только для меня и моих товарищей по театру, но и для того поколения актеров, которое лишь вступает на путь служения советскому социалистическому искусству.

★ Поздняя осень 1903 года. Я, актер театра Корша, присутствую на спектакле в Художественном театре. Идет «Дядя Ваня». Этот вечер навсегда останется в моей памяти. Я увидел самого автора «Дяди Вани», а в антракте был приглашен за кулисы и представлен Константину Сергеевичу, сидевшему в гриме доктора Астрова.

Мы беседовали весь антракт. Константин Сергеевич расспрашивал меня о том, как я живу, интересовался подробностями моей артистической работы. Тогда уже я почувствовал всю силу обаяния этого человека.

Вторая встреча имела деловой характер. Мне предложили перейти в Художественный театр. Я был приглашен к Константину Сергеевичу на дом, познакомился с его семьей. Театр работал тогда над пьесой «На дне».

Л. ЛЕОНИДОВ
Народный артист СССР

— Вот репетируем пьесу Горького, — говорил Константин Сергеевич. — Талантливая пьеса! Но как и что получится, неизвестно. Ходим по Хитрову рынку, наблюдаем...

Неудовлетворенность достигнутым, поиски нового, более совершенного всегда были характерны для Станиславского. Эти поиски иногда вводили его в сторону. Было время, когда он стремился исходить от внешнего. Изучал наружность того или иного персонажа, работал над его одеждой, походкой, манерой сидеть, есть, смотреть. И лишь после этого переходил к его внутреннему облику. Сейчас Константин Сергеевич говорит:

— Пока вы не схватите зерно, пока не постигли внутреннего содержания героя, вы не сможете полностью овладеть ролью.

Всегда поражало и поражает меня в Константине Сергеевиче величайшее упорство, с каким он стремится отшлифовать каждую мельчайшую деталь.

Помню, репетировали «Вишневый сад», и Константин Сергеевич вздумал во втором действии давить комаров.

Чехов говорит:

— Здесь нет никаких комаров.

А Константин Сергеевич произносит фразу:

— О, природа дивная!

И — хлоп: поймал воображаемого комара.

Чехову это не понравилось. Спорили, спорили. Наконец, Константин Сергеевич заявляет:

— Разрешите хоть одного комара.

Чехов, смеясь, согласился.

— Но зато, — шутил он, — следующую пьесу я начну так: «Хорошо, что здесь нет комаров».

Или еще случай, относящийся к первой постановке «Ревизора». Появляется Хлестаков, окруженный чиновниками, подвыпившими за хорошим обедом. Я играл Ляпкина-Тяпкина. Константин Сергеевич говорит мне:

— Выходите на сцену и вы.

— Не могу.

— Без всяких разговоров, выходите на сцену, — повторяет Станиславский. — Ничего не желаю слышать. Выходите.

Пришлось выйти.

По Гоголю Ляпкин-Тяпкин не должен был в этот момент находиться на сцене. Но Константину Сергеевичу так хотелось заполнить сцену, что он забыл об этом. Он тогда даже «обиделся» на Гоголя и сказал:

— Тут у Гоголя ошибка.

Когда Константин Сергеевич работал, со стороны да еще постороннему человеку он мог показаться просто одержимым.

1905 год. Тревожные дни забастовки. На Тверской стрельба. Мы репетируем «Горе от ума». Константину Сергеевичу сообщают о том, что творится на улице. Он отвечает:

— Одну минуточку, сейчас кончим.

Выстрелы приближаются. Они слышны уже в Камергерском переулке. Из окон театра я вижу приставов и полицейских, стреляющих из револьверов. Об этом говорят Станиславскому.

— Сейчас, сейчас кончим. Еще одну фразу.

А после репетиции ему и группе актеров лишь с трудом удалось добраться до дому.

Народный артист СССР орденосица К. С. Станиславский в своем рабочем кабинете. Фото Б. Финмана.

При всей своей настойчивости, при всем упорстве Константин Сергеевич очень внимателен к тому, что ему говорят. Когда спектакль сделан, он плет на суд товарищей или авторитетных людей, и Станиславский внимательно выслушивает все замечания.

Талантливость сочетается в Станиславском с исключительной работоспособностью. Зритель видит спектакль, как нечто целое, монолитное. Для режиссера же и актера спектакль — это тысячи мельчайших подробностей, которые нужно продумать, проработать, соединить и переплавить в горниле творчества.

Константин Сергеевич не устает напоминать, что в искусстве ничто легко не дается. Мне кажется, что Станиславский — это Моцарт, который хочет соединить в себе и качества Сальери. Он глубоко переживает успехи и неудачи своей работы. Но никогда он не стремится к личному успеху, не преследует личных целей.

Хорошо сыгранная роль, хорошо поставленный спектакль толкают Станиславского на новые поиски, к дальнейшей работе и совершенствованию. Роль он прорабатывает в мельчайших деталях. Над спектаклем работает глубоко и упорно. Но это человек больших горизонтов: по одной роли, по одному спектаклю ему видны судьбы искусства. Он знает, для кого и для чего он творит.

Я видел много замечательнейших актеров. Но если бы меня спросили: кто и в какой роли произвел на меня наиболее сильное впечатление, я, не задумываясь, ответил бы: Станиславский в роли Штокмана из пьесы Ибсена «Доктор Штокман». Его костюм, грим, движения, переживания, — все было совершенным. Чувство глубокого, безысходного одиночества исходило от него и распространялось на весь зал.

Образы, созданные актером Станиславским, законченные, точно литые. Он осуждает актеров, которые то доходят при исполнении до гениальных высот, то «мазали», давая пустые места. Константин Сергеевич учит, что сделанный однажды рисунок роли менять нельзя. Вся линия так называемого «сквозного действия» должна быть доведена до конца. Но актеру предоставляется творческая свобода менять психологические интонации.

Кроме работы над ролью, Константин Сергеевич требует от актера работы над собой, непрерывного совершенствования. Помню такой случай. Работали, репетировали. Константину Сергеевичу казалось, что никак актеры не могут освободиться от чувства скованности.

— Покажите свою фантазию и смелость, — сказал он. — Совершите что-нибудь необычайное, к делу не относящееся.

И вдруг мы видим: один из актеров подходит к Станиславскому и начинает развешивать у него галстук.

Нужно было видеть счастливое лицо Константина Сергеевича.

И может показаться странным, но именно с этого момента мы начали репетировать с воодушевлением.

Обаяние, красота внутренняя и внешняя соединяются в этом человеке. В Америке мы играли «Царя Федора Иоанновича». Спектакль кончился. Публика вызывала режиссера. На паперти Успенского собора, где только-что находились бояре, стрельцы, появляется прекрасная, величественная фигура Станиславского. Как гремели аплодисменты!

В прошлом году я провел с Константином Сергеевичем месяц в санатории. Он был нездоров, но, несмотря на болезнь, жаждал встреч и с огромным интересом слушал всех, приходивших к нему. «Правду» и «Известия» он читал ежедневно от начала и до конца. Он за всем следит и всегда с гордостью говорит о своей родине. Он горячо защищает мысль, что только в нашей стране может быть настоящее искусство.

Свободное время он посвящал работе над своей книгой.

Болезнь отдала Константина Сергеевича от непосредственной практической деятельности в театре. Но он продолжает быть в курсе всего, все знает. Молодые, пришедшие недавно актеры, как и весь коллектив, продолжают чувствовать руководство этого замечательного мастера. Помню, с какой радостью автор «Земли» Н. Вирта сообщил мне, что он получил телеграмму, в которой Константин Сергеевич одобительно отзывался об этой пьесе.

Станиславский часто повторяет слова Щепкина, который писал своему ученику Шумскому: «Ты сегодня можешь играть хуже, завтра лучше, но ты всегда должен играть верно».

К этой верности, к художественной правде всегда стремится Константин Сергеевич. И этому учатся и будут учиться у него целые поколения актеров.